

Условные сокращения

Цитаты из произведений Пушкина приводятся по изд.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 - 1959. Т. 1 – 16, [17] Справочный том. Ссылки в тексте: Акад. с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

Стихотворения лицейских лет цитируются по новому академическому изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т СПб.: Наука, 1999. Т. 1. Ссылки в тексте: Акад. с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

При цитатах из «Евгения Онегина» указываются: глава (римская цифра), строфа (арабская цифра после запятой), в необходимых случаях — стихи (арабская цифра после точки); например: I, 17. 5 (первая глава, семнадцатая строфа, пятый стих).

Рукописи Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского дома), обозначаются по принятой в пушкиноведении системе: ПД с указанием номера (например: ПД 833, что соответствует полному шифру хранения: ф. 244, оп. 1, № 833); значок № перед цифрой ставится только в отдельных необходимых случаях.

Цитаты из произведений Достоевского приводятся по изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972 - 1990. Т. 1 - 30. В тексте указываются в скобках том (римской цифрой) и страница (арабской цифрой).

В ЗАЩИТУ ПАМЯТИ Б. В. ТОМАШЕВСКОГО

В пестром по составу лагере противников академического пушкиноведения, сильно в последнее время активизировавшемся, обозначились неистовые разоблачители-ниспровергатели, поставившие себе целью окончательно и бесповоротно скомпрометировать эту отрасль науки, извратив и очернив ее историю, подобно тому как это делали в конце 1940-х—начале 1950-х гг., расправляясь с отечественной компаративистикой. Яростную атаку в «славных», консервируемых до подходящего момента генетической памятью традициях В. В. Ермилова, Д. И. Заславского и иже с ними предпринял не когда-нибудь, а именно в юбилейный год, и не кто-нибудь, а сотрудник академического учреждения (ИМЛИ) В. Д. Сквозников, давший выход всей накопившейся у него за полвека злобе и презрению в книге, пафос которой точно и емко характеризовал ее рецензент, причисливший эту работу «скорее к жанру эссе, чем научной монографии»: «По существу это полемическое и едва ли не публицистическое сочинение, посвященное разоблачению вековых заблуждений, пороков и преступлений отечественной пушкинистики. Только в ней, по словам автора, „как-то особенно обидно выражается исконная черная ревность — <...> свойство, характеризующее целую науку, которой уже более полутора столетий” (с. 22). С. А. Венгеров, П. Е. Щеголев, Б. Л. Модзалевский, М. Л. Гофман, М. В. Нечкина, М. А. Цявловский, Б. В. Томашевский, Ю. Г. Оксман, Б. М. Энгельгардт, Д. Д. Благой, Ю. М. Лотман, Н. Я. Эйдельман — вот неполный перечень отрицательных персонажей книги (на этом мрачном фоне, правда, одиноко возвышается фигура С. М. Бонди, не раз упоминаемого, но ни разу не задетого). Их пороки коренятся в приверженности либеральной, советской и снова либе-

ральной идеологии (понятно, приверженности не всегда искренней). <...> Высказываемые обвинения располагаются не только в научной плоскости».¹

Правила очернительного жанра, выработанные в идеологических разносах советской эпохи, требуют основной удар направить на какую-нибудь одну из самых видных и авторитетных фигур в изничтожаемой области литературы, науки, культуры и др., обязательно противопоставив ей жертву ее гонений и притеснений. Злым, черным гением академического пушкиноведения, концентрирующим в себе все его пороки, не в последнюю очередь «хамскую», «вопиющую» неблагодарность по отношению к первооткрывателям (с. 18)² — П. О. Морозову, П. С. Попову и др., Сквозников избрал Б. В. Томашевского, на которого выливает полный ушат помоев, бережно сохранявшихся в ИМЛИ со времен сорокалетней давности, когда, уже после смерти ученого, там его «принято было поносить <...> и каждый старался в меру своих сил и возможностей».³ В роли страдальца в белых одеждах, усеянных блестками, выведен в монографии С. М. Бонди. Особая пристрастная доброжелательность Сквозникова к Бонди, родившаяся, вероятно, на почве личного общения, как можно понять из некоторых замечаний (с. 23; с. 218, примеч. 35), отчетливо звучит в бестактно хвалебных характеристиках этого замечательного ученого, подчеркнуто выделяемого из «плотно сбитой и политически проверенной пушкинистики 30-х годов» (с. 16). Например, говорится, что «более усидчивые и потому плодovitые товарищи», т. е. коллеги-пушкинисты, ощутили «особую талантливость» Бонди «после появления в печати <...> книжки „Новые страницы Пушкина“ (М.: „Мир“, 1931)»,

¹ Коровин В. Л. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. 2000. № 45 (2). С. 426. — Рец. на кн.: Сквозников В. Д. Пушкин: Историческая мысль поэта. — М.: Наследие, 1999. В дальнейшем ссылки на эту монографию приводятся в тексте, в скобках.

² «Скромное установление факта одними и спекуляции на нем совсем других людей — такова участь открытий в пушкинистике, да только ли в ней?» (с. 18).

³ Гришунин А. Л. Ю. Г. Оксман о текстах Пушкина // Моск. пушкинист. М., 1999. Вып. 6. С. 356.

которой он «сразу поставил себя особняком в самоощущении советского пушкиноведения» (с. 21, 217). В другом месте Бонди противопоставлен Томашевскому как «один из крупнейших исследователей с более зорким взглядом и, главное, живым воображением» (с. 23).

Применяемая в «разоблачительных» главах монографии тактика стара как мир. Там и сям выдергивается все, что бесстыдным передергиванием может быть представлено в неблагоприятном толковании. Под пером современника и живого наблюдателя (а может быть, и участника?) грязной локальной кампании конца 1950-х — начала 1960-х гг. оживают старые инсинуации, дразги, сплетни, откровенная клевета. Впечатлитель это может лишь несведущих людей, на чем, нужно думать, и строится расчет.⁴ Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose. Важно посеять зерно сомнения. Пройдет какое-то время, другие будут ссылаться на эти выдумки как на опубликованные и заслуживающие доверия убедительные факты, дело продолжит развиваться в нужном для очернителей направлении к желаемой цели — тотальной дискредитации в общественном мнении академического пушкиноведения и полному его вытеснению публицистикой.

На этой методологической основе рождаются следующие пассажи.

«Академические котлубовские⁵, — пишет Сквозников, — подготовили „закономерности“ Луначарских с Ярославскими; те в свою очередь образовали постамент для официальной советской пушкинистики типа Б. Томашевского», который «сначала осторожно — все-таки он был вне рамок почетного венгерского пушкинского семинария — а потом, по мере ухода

⁴ По справедливой оценке рецензента, «книга адресована скорее широкому читателю, нежели специалистам, поскольку практически ничего нового не содержит» (Коровин В. Л. Указ. соч. С. 427).

⁵ Профессор харьковского университета Арсений Петрович Кадлубовский символизирует здесь как автор статьи «К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина» (Пушкин и его современники. 1907. Вып. 5 С 1–29) «лживых» дореволюционных «либеральных профессоров», которых, язвительно замечает Сквозников, «тогда <...> называли университетские профессеры» (Сквозников В. Д. Указ. соч. С. 13).

профессиональных пушкинистов царского времени все энергичнее раздвигая остающихся, утверждал официозную, историческую, с позволения сказать, концепцию „Пушкин и мы” (наряду, впрочем, с В. Я. Кирпотиным)». «Не потеряв ни перышка в идеологических погромах 30–40-х годов», он, «как и его приверженцы и ученики по литературоведческой практике», состоявшей «в умении по обстоятельствам отступать от ответственной идеологии в тишайшую текстологию», «в условиях режима наибольшего благоприятствования смог и на склоне лет сохранить <...> первобытно-марксистское, кирпотинское представление о сущности историзма Пушкина» (с. 13–14, 216).

Не случайно не названо ни одной фамилии этих раздвинутых, отодвинутых и задвинутых на пути к постаменту, потому что не было ни отпихнутых, ни тем более постамента. Рядом с Томашевским на ниве пушкиноведения трудилось много ярких ученых, каждый из них имел свой участок в коллективном издании в 1930-е годы «Полных собраний сочинений» Пушкина (начиная с выпущенного приложением к журналу «Красная нива»), каждый вел и свою индивидуальную исследовательскую и редакторскую работу, и не имеется никаких сведений о том, чтобы Томашевский расширял свою «делянку» за счет других или препятствовал опубликованию чьих-либо трудов. В издании «Красной нивы» он подготовил тексты: стихотворений, напечатанных по автографам из собрания Л. Н. Майкова (совместно с Н. В. Измайловым), «Гавриилиады», «Домика в Коломне», «Анджело», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Истории села Горюхина», «Дубровского» (совместно с Д. П. Якубовичем), нескольких мелких заметок на французском языке, набросков и записок. После смерти П. Е. Щеголева (1931) к нему перешли печатавшиеся под редакцией покойного «Полтава», «Медный всадник» и «Каменный гость»; одновременно были перераспределены оставшиеся «бесхозными»: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Братья разбойники» — С. М. Бонди; «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» — Г. О. Винокуру; «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» — Д. П. Якубовичу; «Пиковая дама» и «Table-talk» — Ю. Г. Оксману. Начиная с третьего издания шеститомного «Полного собрания сочинений» Пушкина (Гослитиздат,

1935) Томашевский вошел в его редколлегию, вместе с Бонди и Оксманом, они сменили в ней Демьяна Бедного, А. В. Луначарского (ум. 1933), П. Н. Сакулина (ум. 1930), В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева; тогда же «История села Горюхина» была передана Оксману. В изданиях «Academia» Томашевский участия не принимал, и все произведения, числившиеся за ним в собраниях Гослитиздата, получили там других редакторов (Бонди, Винокур, Якубович, Оксман). В «Большом» академическом собрании ему были поручены из поэм — одна «Гавриилиада» (Т. 4. 1937), из драматических произведений — только «Каменный гость» (Т. 7. 1937), возвращен «Евгений Онегин» (Т. 6. 1937),⁶ ни одного стихотворения он не готовил. Существенные перестановки вызвал арест Оксмана, бывшего в нескольких предыдущих собраниях почти единоличным редактором художественной и критической прозы Пушкина. Имя опального пушкиниста начали изымать из оглавления, оставляя на титульных листах и в составе редколлегии, в двух последних томах третьего издания шеститомника Гослитиздата (см. т. 5–6); полностью оно исчезло в четвертом и пятом изданиях (см. т. 4–6), двух томах девятитомного собрания «Academia» (см. т. 7, 9) и двух томах его шеститомного повторения (см. т. 4–5), все подготовленные им произведения, а заодно и другими лицами, печатались без указания фамилии редактора. В «большом» академическом издании подобное умолчание было недопустимо; Томашевский был назначен общим редактором восьмого тома (Кн. 1–2. 1938–1940), где в дополнение к ранее им редактировавшимся «Истории села Горюхина» и «Дубровскому» он взял на себя «Капитанскую дочку», «Отрывок из письма к Д.» и несколько мелких набросков и планов («Часто думал я», «Карты; продан», «Влюбленный бес», «Н. избирает себе в наперсники»); другими произведениями, входящими в этот том занимались еще 8 (!) редакторов, а контрольным рецензентом выступил Б. М. Эйхенбаум. В томах критики, публицистики и автобиографической прозы (Т. 11–12. 1949) Томашевский осуществлял общую редакцию вместе с Б. М. Эйхенбаумом (третьим значился покойный В. В. Гиппи-

⁶ См. далее, с. 37.

ус) и подготовил небольшой набросок «О французской революции». Завершая эту малоинтересную для чтения, но необходимую для опровержения клеветы фактическую справку, позволено спросить: кого же все-таки отпихивал Томашевский, если выясняется, что на самом деле «мальчика-то не было»?

Рупором советского официоза Томашевский в цитированных выше тирадах объявлен на том основании, что изданный им в преддверии юбилея 1937 года однотомник сочинений Пушкина открывала статья В. А. Десницкого «Пушкин и мы»,⁷ в которой формулировались главные идеологические «установки» того времени относительно того, как следовало советскому человеку воспринимать творчество и личность национального поэта. Уже одно то обстоятельство, что якобы карабкавшийся на постамент официальной пушкинистики ученый не стал или ему не доверили писать статью, которая послужила бы ему прочной лестницей, а в своем биографическом очерке «Пушкин»⁸ не допустил с нею никаких перекличек по этой линии, разоблачает фальшивку, подсовываемую Сквозниковым читателям в расчете на их неосведомленность. Проводник партийно-государственной концепции не имел никакой возможности уклоняться от «ответственной идеологии», игнорировать ее неожиданные кульбиты и уходить в «тишайшие» заводы (каковой текстология, кстати, отнюдь не была, что известно и сейчас,⁹ а когда будет написана история «большого» академического «Полного собрания сочинений» Пушкина, станет еще очевиднее). Все это допустимо не знать молодым людям, но не тому, кто родился в 1929 г. и за свою жизнь не мог не наблюдать разные научные карьеры, имея, в частности, перед глазами живой пример В. В. Ермилова.

⁷ *Пушкин А. С. Соч. / Ред., биограф. очерк и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л.: Гослитиздат, 1935. С. III–XXIV; То же. 1936; 2-е изд., испр. и доп. Л.: Гослитиздат, 1937. С. III–XXIV; То же. 1938. Статья Десницкого изъята в последнем, недавнем переиздании однотомника: Пушкин А. С. Золотой том: Собр. соч. / Ред., библиограф. <!> очерк и примеч. Б. Томашевского. Изд. испр. и доп. М.: «Имидж», 1993.*

⁸ Там же. 1935. С. XXV–LXII; То же. 1936; 2-е изд. 1937. С. XXV–LXIV; То же 1938; То же. 1993. С. 5–40.

⁹ См.: *Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 28–29; Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 122–134.*

Между тем в работах Томашевского как раз и не находится тех самых обязательных в то время связей с «текущим моментом», т. е. конъюнктурных, вечно готовых к крутым идеологическим поворотам интерпретаций и верноподданнических заявлений. Приписывая же Томашевскому концепцию, сформулированную в статье Десницкого, Сквозников совершает элементарную методическую «интертекстуальную» подтасовку, охотно используемую в наши дни ретроспективно бесстрашными и непримиримыми обличителями сервиллизма советских ученых,¹⁰ нимало не стесняющимися того, что к подобным же приемам постоянно прибегали в те времена карающие и цензурирующие органы, а в печати штатные разоблачители, выискивая всевозможные аллюзии, намеки, шифры, загадочные картинки и т. п.

В подтверждение своей уничтожающей оценки «первобытно-марксистского, кирпотинского представления» Томашевского «о сущности историзма Пушкина» Сквозников ссылается на заключительный абзац прекрасной статьи, который здесь уместно привести полностью.

«Для Пушкина, — писал Томашевский, говоря о развитии его исторических взглядов в 1830-х годах, — история является уже картиной поступательного движения человечества, определяемого борьбой социальных сил, протекающей в разных условиях для каждой страны. Именно это непрерывное движение вовлекает и настоящее в общий ход. Для Пушкина критерий историзма уже не определяется более исторической отда-

¹⁰ Например, отметив ошибку Д. Д. Благого, указавшего, что К. Н. Батюшков был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств и что произошло это 22 апреля 1805 г., О. А. Проскурин предлагает в качестве одного из вероятных объяснений, согласно которому ученый мог счесть «дату 22 апреля более привлекательной для советского читателя (и для советских издателей)», имея в виду день рождения Ленина (*Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 49*). Намеренная предвзятость этого предположения развенчана в рецензии, где показано, что традиция считать 22 апреля 1805 г. датой вступления (на самом деле не состоявшегося) Батюшкова в Вольное общество «сложилась задолго до Благого и без всякого отношения к Вл. Ульянову» и «Благой к „мифотворчеству“ не причастен, он лишь некритически в 1934 воспроизвел то, что предшествующие полвека считалось в науке за „верный факт“» (*Ланов С. «Скандалисты и новаторы» // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 376–377.*

ленностью событий прошлого. Поэтому историческая точка зрения одинаково присутствует как в изображении прошлого, так и в изображении настоящего. В этом отношении особенно характерна повесть „Пиковая дама”, писавшаяся одновременно с „Медным всадником”. В ней каждое действующее лицо является представителем определенной исторической и социальной формации. Графиня — представительница уходящей знати, с ее воспоминаниями о дореволюционном Париже, Лиза — одна из тех обнищавших компаньенок, первый очерк которых мы находим в „Романе в письмах”, Германн — хищный искатель счастья, пробивающий дорогу в новом обществе и готовый на всякий риск и даже на преступление. Смена поколений в этом романе характеризует смену разных укладов жизни русского общества.

Так в 30-е годы под пером Пушкина на смену романтическому характеру Пленника и Алеко появляется типический характер, обусловленный исторически и социально. И это именно и является основной чертой созданного Пушкиным реалистического искусства.¹¹

Если это и марксистский взгляд на историзм Пушкина и его творческий метод, то не примитивный, не задубелый, не поверхностный, не вульгарно-социологический и не конъюнктурный, а честный историко-литературный, сложившийся на основе представлений своей эпохи, влияния которых никогда и никому избежать невозможно. Во всяком случае, обливая презрением Томашевского, Сквозникову следовало бы помнить мудрый совет дедушки Крылова «на себя оборотиться». Пристало ли испепелять сарказмом покойного ученого тому, кто был членом авторского коллектива, заявившего своей целью «способствовать научному, марксистско-ленинскому решению теоретико-литературных проблем»;¹² кто утверждал, что «ле-

нинская теория отражения, явившись новым этапом в развитии марксистской философии, вооружила и марксистскую эстетику»;¹³ кто, разрабатывая теоретические проблемы творческого метода, опирался на работы Маркса, Энгельса, Ленина, в частности на основополагающее для марксистской эстетики, хрестоматийное и заезженное письмо Энгельса к М. Гаркнесс;¹⁴ кто был убежден, что «произведения, подобные „Тихому Дону”, воспитывают истинную, коммунистическую человечность»;¹⁵ кто верил (надеемся искренне), что «возможности социалистического реализма в лирике очень благодарны»;¹⁶ кто, наконец, не преминул, ввернуть цитатку из «классика», излагая следующую простую мысль: «Да, Пушкин — историк жизни и деяний Петра Великого — понимал то, что позднее Ленин назвал „варварскими средствами борьбы против варварства”». ¹⁷ Здесь все это приведено не в укор и не в осуждение, а лишь как напоминание о том, что негоже бросать камень в человека, если сам повинен в грехе, в котором его обвиняешь (тем более что в данном случае грех надуман).

Что же касается «перышек», то память Филологического факультета СПбГУ, где несколько десятилетий работал Томашевский, кого, по утверждению Сквозникова, бушевавшая истерия обошла якобы стороной, хранит иные сведения: «1949–1950-е годы оставили в истории факультета глубокие раны: на эти годы приходится тяжелые публичные процессы, связанные с кампанией против „либерально-буржуазного литературоведения”. Разгрому подверглись концепции, книги, лекционные курсы профессоров Г. А. Гуковского, М. К. Азадовского, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и др.»¹⁸ Вообще

¹³ Сквозников В. Д. Творческий метод и образ // Там же. С. 163.

¹⁴ Там же. С. 152, 155, 157, 163, 164, 167, 170, 172, 179.

¹⁵ Там же. С. 184.

¹⁶ Сквозников В. Д. Лирика // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: [Кн. 2]. Роды и жанры литературы. М., 1964. С. 228.

¹⁷ Сквозников В. Д. Стиль Пушкина // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: [Кн. 3]. Стиль. Произведение. Литературное развитие. М., 1965. С. 86.

¹⁸ Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета / Сост. И. С. Лутовинова. 2-е изд., испр. и доп. [СПб.], 2000. С. 15.

¹¹ Томашевский Б. В. Историзм Пушкина // Учен. зап. ЛГУ. 1954. № 173. Сер. филолог. наук. Вып. 20. Русская литература. С. 85. Статья дважды переиздавалась: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. Материалы к монографии (1824–1837). С. 154–199; Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 130–178.

¹² От редакции // Теория литературы: Основные проблемы в теоретическом освещении: [Кн. 1]. Образ, метод, характер. М., 1962. С. 5.

же мериллом оценки личности ученого, жившего в те страшные годы, должно быть не то, громили его публично или нет, а то, как он себя вел в этих обстоятельствах. Поведение Томашевского во всех разнуданных кампаниях было безупречным; на его совести жертв и загубленных научных карьер не числится.

Разобранными выше обвинениями Сквозников не ограничивается, но, продолжая свою обличительную линию, сообщает, что в преддверии юбилея 1949 г. Томашевскому «политическая власть в соответствии с духом времени доверила единоначалие в т. наз. „Малом” десятитомном академическом собрании», где он «при еще живых авторитетных сотрудиках „Большого”, худо-бедно договаривавшихся между собой в трудных вопросах, при незавершенности общей работы над незавершенным огромным собранием, <...> позволял себе самоуправство беспредельное», в частности снял во втором издании заключительную ремарку «Бориса Годунова» («Народ безмолвствует») (с. 22, 218). «Беспредельное самоуправство» Томашевского состояло в том, что, выступая действительно единоличным редактором «малого» академического десятитомника и вынужденный в обоих тиражах его первого издания (1949 и 1950) печатать без отклонений тексты «большого» «Полного собрания сочинений» Пушкина, он, воспользовавшись некоторым ослаблением надзора в начале «оттепели», реализовал во втором издании свои текстологические решения, отличные от принятых в «большом» собрании. На это он, безусловно, имел право как ученый, взявший на себя полную за них ответственность, что, между прочим, явилось актом смелой принципиальности и дерзким полемическим вызовом в условиях, когда сверху была директивно спущена, а теоретически обосновывалась в ИМЛИ концепция канонических текстов,¹⁹ в качестве которых для Пушкина официально были предписаны напечатанные в «большом» академическом издании. Кстати, и Бонди однажды заявил: «Если бы я один издавал Пушкина, я бы многие тексты дал не по академическому изданию».²⁰

¹⁹ См. об этом: *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. С. 29–30.

²⁰ Всесоюзная Пушкинская конференция, 11-я. Стенографический отчет: Шестое заседание: Утреннее заседание 6 июня 1959 г. С. 59. (Машинопись).

Отсутствие ремарки «Народ безмолвствует» в первом заводе пятого тома²¹ и ее восстановление во втором заводе²² было объяснено типографским недосмотром «в части тиража».²³ Этому заявлению нет оснований не верить, потому что Томашевскому не свойственно было перекладывать свои ошибки на других²⁴ и комментарий во втором издании десятитомника он изменил только стилистически, а по смыслу оставил тем же, что и в первом, где реплика присутствовала в тексте²⁵ и пояснение этому соответствовало. Говоря об отличии первопечатного текста «Бориса Годунова» от рукописи, Томашевский отметил, что «в рукописи заключением всей пьесы вместо ремарки „Народ безмолвствует” было:

Н а р о д

Да здравствует царь Дмитрий Иванович!»²⁶

Если бы Томашевский вывел ремарку из текста, ее место занял бы этот крик народа, а комментарий был бы, само собою разумеется, изменен. Подобный типографский ляпсус в изданиях сочинений Пушкина не единственный. Так, при допечатке в 1948 г. тиража первой книги восьмого тома «большого» академического собрания выпал эпиграф к «Пиковой

²¹ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 5 [1-й завод 1–50 000]. С. 322.

²² Там же. Т. 5 [2-й завод 50 001–100 000]. С. 322.

²³ См.: Там же. Т. 6. С. 837. Том подписан в печать 23 мая 1957 г., т. е. при жизни Томашевского.

²⁴ См., например: Б. В. Томашевский о себе: (Из служебной записки Томашевского о кадрах РО ИРЛИ) // Борис Викторович Томашевский, 1890–1957: К 100-летию со дня рождения / Сост.: Е. В. Звезденкова, С. Б. Федотова. М., 1991. С. 32.

²⁵ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 5. С. 322; То же. 1950. Т. 5. С. 322.

²⁶ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 5. С. 613. Комментарий в первом издании: «В рукописи вместо заключительной ремарки „Народ безмолвствует” читаем:

Н а р о д

Да здравствует царь Дмитрий Иванович!»

(см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 5. С. 599; То же. 1950. Т. 5. С. 599).

даме»,²⁷ и хотя в первом тираже он имелся,²⁸ Ю. Г. Оксман в письме к К. И. Чуковскому обвинил готовившего текст В. В. Виноградова в том, что это им «„Пиковая дама” напечатана <...> без эпиграфа».²⁹ Любопытно было бы узнать, кто из двенадцати (!) «ответственных за переиздание тома» выбрал для недавнего репринтного воспроизведения экземпляра именно без эпиграфа, умудрившись при этом снабдить первую книгу восьмого тома титульным листом второй книги, вышедшей в 1940 г.³⁰

В вину Томашевскому ставится и то, что 4 июня 1956 г. на выездном заседании Отделения литературы и языка АН СССР, посвященном 50-летию Пушкинского Дома, он выступил «от лица всего пушкинизма всех времен», однако «без единодушного согласия крупнейших пушкинистов <...> (свидетельство С. М. Бонди)», с «основополагающей речью», в которой «подробнейше» перечислил «достижения и промахи в доведении подлинного Пушкина до народа (такова была официальная цель этого информационного сообщения)», не упомянув П. О. Морозова, нашедшего ключ к разгадке десятой главы «Евгения Онегина» (с. 22; 218, примеч. 35). Это обвинение сопровождается саркастической ремаркой: «Замечательно, что подобные документы как раз и не предназначались для печати: это устный доклад для служебного пользования» (с. 218, примеч. 36). Доклад Томашевского, называвшийся «Основные этапы пушкиноведения», был опубликован тогда же, к заседанию, как и доклад Д. С. Лихачева «Пушкинский Дом и изучение русской литературы», в форме реферата,³¹ а полностью уже

посмертно под заглавием «Основные этапы изучения Пушкина».³² Естественно, что выступление на юбилейном заседании было поручено сотруднику Пушкинского Дома, и само собою разумеется, что согласия на это других ведущих пушкинистов, *живших в Москве*, не требовалось, тем более что никаких претензий на представительство «от лица всего пушкинизма всех времен» в докладе заявлено не было. При *непредвзятом* чтении полного текста доклада не вызывает никакого недоумения отсутствие в нем упоминания об открытии П. О. Морозова (равно, заметим, как и о блестящих результатах трудов многих других пушкинистов), поскольку в одном из вступительных абзацев автор предупреждает, что ему «в настоящем обзоре <...> хотелось бы охарактеризовать не работы отдельных исследователей, а общее направление в изучении Пушкина на различных этапах», делая исключение лишь «для начальных лет пушкиноведения, когда характер и методы изучения определялись трудами отдельных, еще весьма немногочисленных писателей, положивших начало пушкиноведению».³³

Неблаговидно, в изображении Сквозникова, поступил Томашевский с Бонди, сначала подав его «остроумные наблюдения» над десятой главой «под прикрытием или покровительством очень тогда активного заграничного Гофмана», а позднее, уже в качестве «главного официального специалиста по „Евгению Онегину”», «входящего в особое доверие власти», ухитрившись «с достойной восхищения простотой» в «подвластном» ему, «при общей коллегиальности работы», шестом томе «большого» академического издания так «построить» текстологический комментарий, «чтобы непременно указание „рукописных источников текста” десятой главы не сопровождалось указанием первых печатных их публикаций», в результате чего «возникло, а потом и укрепилось представление, что главный источник текста десятой главы впервые установлен Томашевским» (с. 21–22). Речь идет о статье Томашевского

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. Кн. 1. С. 225. Полумом вышел с аннотацией: «Первая книга VIII тома была напечатана неполным тиражом в 1938 году. Здесь текст книги воспроизведен по изданию 1938 года» (С. 495).

²⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 8. Кн. 1. С. 225.

²⁹ См.: Гришунин А. Л. Ю. Г. Оксман о текстах Пушкина. С. 345.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. М.: «Воскресение», 1995. Т. 8. Кн. 1. С. 225. Полный список всех двенадцати растяп (поистине, у семи нянек дитя без глаза) приведен на с. 495.

³¹ См.: Общее собрание Отделения литературы и языка 4–5 июня 1956 года, посвященное 50-летию Пушкинского Дома (Института русской литературы): Рефераты докладов. Л., 1956. С. 9–12.

³² Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии. С. 444–476; перепечатано в кн.: Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. С. 615–648.

³³ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. С. 445.

«Десятая глава „Евгения Онегина“: История разгадки», где в главке «Вторая разгадка» говорилось: «Окончательным разъяснением всего вопроса явился доклад С. М. Бонди в Пушкинском семинарии при Петроградском университете. Доклад этот остался ненапечатанным, но на него ссылается М. Гофман в „Неизданных строфах «Евгения Онегина»» как на „наиболее ценное и верное предположение“. Основные положения этого доклада мне кажутся не вызывающими никаких сомнений».³⁴ Далее излагается суть наблюдений Бонди с опорой, естественно, на их пересказ в книге Гофмана. Отсутствие в шестом томе «большого» собрания сведений о публикациях Морозова и Гофмана не может служить основанием для инсинуируемых подозрений уже по той причине, что в составленном Томашевским и Л. Б. Модзалевским описании рукописей Пушкина, вышедшем в один год с академическим «Евгением Онегиным», обе они указаны вместе с последовавшей за ними уточненной публикацией самого Томашевского³⁵ — все три без указания фамилий публикаторов, как в этом справочнике было принято во всех ссылках на серийные издания «Пушкин и его современники» и «Литературное наследство». Умолчание в «онегинском» томе, вполне вероятно, было вызвано тем, что в 1937 г. фамилия эмигранта Гофмана уже находилась в проскрипционных списках цензуры, а без упоминания его книги, где рас-

³⁴ Лит. наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 385–386. Статья дважды перепечатывалась: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2. С. 200–243; *Томашевский Б. В.* Пушкин: Работы разных лет. С. 569–614. Вот, что написала об этом эпизоде научной биографии Бонди его ученица: «Участник знаменитого венгеровского семинария, студент Петровского <? Петроградского — В. Р. > университета Сергей Бонди находит ключ к зашифрованным строфам „Евгения Онегина“, над разгадкой которых тщетно бились такие знаменитости в пушкиноведении, как Л. Н. Майков, Д. Н. Соколов, Н. О. Лернер, В. Я. Брюсов! Эта студенческая работа С. М. Бонди тогда, к сожалению, не была напечатана, однако в научный оборот вошла: на нее как на „наиболее ценное и верное предположение“ ссылается в своих „Пропущенных строфах «Евгения Онегина»» (Пг., 1922) М. Л. Гофман, авторитетный в то время пушкинист» (*Селиванова С. Д.* О Сергее Михайловиче Бонди // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 367).

³⁵ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 71. № 170.

шифрованные стихи впервые были представлены как фрагменты десятой главы «Евгения Онегина» и с разбивкой на строфы,³⁶ неуместно было указывать статью Морозова, в которой принадлежность «шифрованного стихотворения» к роману не была еще установлена и оно было напечатано как новооткрытое бесформенное произведение, имеющее внутренние пропуски.³⁷ Это, разумеется, предположение, а все обстоятельства, будем надеяться, со временем документально выяснятся; однако и сейчас порядочность Томашевского в этом эпизоде может вызывать сомнение лишь у ангажированных недоброжелателей.

Характеризуя Томашевского ироническим титулом «главного официального специалиста по „Евгению Онегину“», Сквозников имеет в виду подготовку шестого тома «большого» академического собрания — Н. В. Измайлов назвал этот труд «научным подвигом»: «По заданию редакционного комитета нужно было подготовить том в сжатые сроки: издать его к столетию со дня смерти Пушкина, а работа была такова, что разделить между несколькими работниками было невозможно. Эту работу взял на себя Борис Викторович и блестяще выполнил в те немногие месяцы, которые были в его распоряжении».³⁸ Пользуясь приемом Сквозникова, его сарказм было бы можно с таким же основанием направить как раз по адресу Бонди, если принять во внимание количество изданий романа под его редакцией, с его статьями (в том числе «Начало десятой главы „Евгения Онегина“») и комментарием.³⁹

На этом эпизоде, как изображает дело Сквозников, присвоение себе Томашевским заслуг других ученых, не прекратилось. Когда «более зоркий (и намного более талантливый) из

³⁶ *Гофман М. Л.* Пропущенные строфы «Евгения Онегина». Пб., 1922. С. 305–310.

³⁷ *Морозов П. О.* Шифрованное стихотворение Пушкина // Пушкин и его современники. 1910. Вып. 13. С. 5–7.

³⁸ Из стенограммы Ученого совета, посвященного памяти Б. В. Томашевского, 3 октября 1957 г. // Борис Викторович Томашевский, 1890–1957. С. 30.

³⁹ Далеко не полный перечень см.: Список трудов С. М. Бонди по пушкиноведению / Сост. В. В. Зайцева // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 370–381).

крупнейших» (с. 218, примеч. 37), т. е. Бонди, восстановил «правильный» текст «Воображаемого разговора с Александром I», ревнивый ученый, находившийся с текстологом-соперником в непрерывной «распре», учинил над ним «лютую расправу», заявив, что тот «извратил» содержание и смысл этого произведения, но тем не менее в «малом» десятитомнике напечатал его в реконструкции Бонди и обставив это «новое, верное чтение <...> как само собою разумеющееся достижение вдумчивых пушкинистов, — да главного редактора данного собрания прежде всего!» (с. 23–24). Текст «Воображаемого разговора с Александром I» в реконструкции Бонди был напечатан в «малом» десятитомном собрании Л. Б. Модзалевским, который составил и примечания к нему, включив в них «обычное», т. е. принятое до Бонди, «чтение наиболее трудной части».⁴⁰ В переизданиях ни текст, ни комментарии не менялись, но со второго в выходных данных значилось: «Текст проверен Б. В. Томашевским, примечания составлены Л. Б. Модзалевским под ред. Б. В. Томашевского». Применительно к «Воображаемому разговору» это значило, что, заново проверив тексты, Томашевский согласился с решением Л. Б. Модзалевского.

И еще один удар. Оказывается, этот «один из корифеев пушкинистики» воспринимал «Пиковую даму» «через либреттиста Модеста Чайковского», о чем свидетельствует то, что героиню он называл «Лиза», а героя «Герман» — как в театральной программке (с. 216, примеч. 16). «Лизой» героиня названа в статье Томашевского «Историзм Пушкина», и на той же странице читаем «Германн»,⁴¹ так что М. Чайковский и театральная программка здесь явно не при чем. Форма «Герман» фигурирует в опубликованной *посмертно* статье «Пушкин и история Французской революции»;⁴² это несомненная опечатка, не замеченная теми, кто держал корректуру. Придумана эта чепуха, вероятно, в параллель знаменитому ляпсусу Л. Н. Вой-

⁴⁰ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 8 / Текст проверен и примеч. сост. Л. Б. Модзалевским под ред. Б. В. Томашевского. С. 69, 523.

⁴¹ См. выше, с. 30.

⁴² *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 214.

толовского, высмеянному В. Б. Шкловским,⁴³ и преследует очевидную цель — представить уважаемого «крупнейшего» пушкиноведа одного поля ягодой с известным марксистом-вульгаризатором, взявшимся писать «Историю русской литературы», не перечитав «Евгения Онегина».

Обозрев отстойник, в который умышленно превратил свою монографию Сквозников, пора выйти на свежий, здоровый воздух — вспомнить, что говорили о Томашевском его современники коллеги-пушкинисты.

Первое слово — Бонди, выступившему на заседании Ученого совета Пушкинского дома, посвященном памяти человека, с которым он, по заявлению Сквозникова, был в непрекращающейся «распре», а сам признавал, что их спор «иногда доходил до трагических моментов»⁴⁴:

«Самое характерное, что при всех его противоречиях, при всех наших несогласиях с ним (а мы с Борисом Викторовичем на пятьдесят процентов по всем вопросам сходились и на пятьдесят процентов расходились) надо иметь в виду его основные свойства как ученого: это огромный ум, который блестел, как солнце. Чем бы он ни занимался, в какой бы области ни обнаруживал себя: пишет ли книгу, редактирует ли текст, дает ли

⁴³ Шкловский говорил:

«Впрочем, что такое сейчас Пушкин?

Приведу цитату из Л. Войт<о>ловского („История русской литературы”. ГИЗ. 1926 г., стр. 23): „Это дворянская литература, до мельчайших подробностей воспроизводящая быт и нравы дворянского сословия тех времен. Онегин, Ленский, Герман, кн. Елецкий, Томский, Гремин <...>. В их лице Пушкин дает <...>”.

Сообщаем небезызвестному ученому Войт<о>ловскому, что перечисленные им типы суть баритонные и теноровые партии опер, что и обнаруживается упоминанием Гремина (мужа Татьяны (?) — „любви все возрасты покорны”?), которого (Гремина) нет у Пушкина.

Нехорошо изучать русскую литературу (социологически) по операм».

(*Шкловский В. Б.* В защиту социологического метода: (Из доклада, читанного в Ленинграде 6 / III 1927 г.) // Новое литературное обозрение. 2001. № 50 (4). С. 261. Речь идет о кн.: *Войтоловский Л. Н.* История русской литературы XIX и XX веков. Ч. 1. Пушкин — Достоевский. М.; Л., 1926.

⁴⁴ Всесоюзная Пушкинская конференция, 11-я. Стенографический отчет: Шестое заседание: Утреннее заседание 6 июня 1959 г. С. 59.

справку по частному вопросу — вы видели в нем человека громадного ума, т. е. человека необычайной проницательности, который сразу ухватывает существо дела, который умеет отличить существенное от несущественного, не занимается пустяками, а видит главное.

Второе — громадная научная добросовестность, о чем все говорили. <...>

Борис Викторович — образец этой добросовестности, этой принципиальности. Об этом уже говорили, но надо это повторить. Ни одного положения он не оставлял без аргументации, и если для этого надо было влезать в другую область, он влезал. Если надо привести материал на незнакомом языке, он изучал его и приводил. Если надо было изучить историческую эпоху, он ее изучал. Этой добросовестностью объясняется та разносторонность, которая так поражала нас всех в Борисе Викторовиче». ⁴⁵

Когда на XI Всесоюзной Пушкинской конференции Ю. Г. Оксман резко критиковал «малый» академический десятитомник и при этом допустил грубый и несправедливый выпад по адресу покойного, он получил эмоциональную отповедь от Т. Г. Цявловской и неодобрительное замечание от Н. В. Измайлова. ⁴⁶

Позднее сам Оксман во внутренней рецензии на рукопись книги «Основы текстологии» (под ред. В. С. Нечаевой) осудил допущенные в ней нападки на Томашевского. «Не удовлетворившись этим, — вспоминает А. Л. Гришунин, — он частным образом (без В. С. Нечаевой) собрал нашу группу, состоявшую из молодых в то время людей, и консультировал, в частности, относительно Томашевского, с которым у него были свои счеты, но — не переходящие в личности: он говорил о высоком авторитете Томашевского как текстолога и пушкиниста». ⁴⁷

⁴⁵ Из стенограммы заседания Ученого совета, посвященного памяти Б. В. Томашевского // Борис Викторович Томашевский, 1890–1957. С. 31–32.

⁴⁶ См. далее Приложение к статье «О тексте пушкинского послания „Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...“», где приведены соответствующие выдержки из их выступлений (с. 234–235, 237–238).

⁴⁷ Гришунин А. Л. Ю. Г. Оксман о текстах Пушкина. С. 356.

Сквозников, нужно думать, на этой встрече не присутствовал или же был уже настолько предубежден, что никакие аргументы не могли произвести на него впечатления и поколебать его неприязни

Во всей рассмотренной выше истории личные антипатии автора монографии, обрушившегося с лживыми нападками на одного из столпов современного пушкиноведения, не представляли бы никакого общественного интереса, если бы его выступление не было знаменательно и симптоматично как выражение взглядов некоей складывающейся научной группировки, о существовании которой возникают подозрения из того обстоятельства, что у Сквозникова нашлись доброжелательные и, видимо, сочувствующие его мнениям рецензенты (в их числе Н. К. Гей) и по их рекомендации Ученый совет ИМЛИ санкционировал издание этой клеветы под грифом института.

Печально и стыдно!